

Болезненно серое небо разбухшим брюхом цеплялось за крыши покосившихся изб, из рваных краёв сеял мелкий и частый дождь — тянула на себя «верховка» нудную обложную осень...

В это промозглое утро Варвара Степановна, выйдя в сени, обнаружила у самого порога лужу.

— Ах ты ж, вашу... язви тебя за ногу! — ругнулась она шепотком и, прищурившись, уставилась в потолок, но утренний сумрак и ослабшее на шестом десятке зрение не позволяли заменить крошечные дыры, из которых тяжёлые капли вероломно шлёпались на пол...

— Текётъ! — выдохнула Варвара Степановна, сплюнула на «чахоточное» небо и «срамную» жизнь, задёрнула полы овчинной жилетки, схватила подойник и решительным шагом направилась в хлев.

Чвакала под ногами раскисшая земля, вселенская сырость обволакивала и пыталась проникнуть в самую душу, но никакой хляби не забраться в это закрытое на сто замков сердце.

В тусклом свете «летучей мыши» блестели и часто моргали глаза Зорьки, когда Варвара Степановна гневно понуждала скотину за злонамеренные деяния:

— Ишь, навалила за ночь, срамовка, только и делаешь, что жрёшь сено стогами — в навоз переводишь, а молока с гулькин нос от тебя, нахлебница ты! А мне волохай за тобой, вредительница!

Выпустив пар, сердце хозяйки отмякло, она почти ласково пошлёпала корову по холке и приступила к дойке.

— И в какую пору такая оказия-то приключилась?! Ведь и пяти годов не прошло, как толь на сенцах сменили... Не могло ж оно истлеть так скоро?! — жаловалась Варвара Степановна рыжебокой Зорьке.

В характере Варвары Степановны была особая тяга к «справедливости»: «Люблю, чтоб всё по правде было! Если что где приключается недоброе, завсегда в этом деле виновник имеется, так по справедливости положено виновника найти и наказать как следоват!» Вот и сейчас её донимал вопрос: кто же тот таинственный виновник нежданно-негаданной «тякучки»?! Ловко и аккуратно потягивая коровьи сосцы, она выуживала из памяти события лета, напрямую связанные с крышей, и тут её осенило:

— Аришка! Растыка художая, ну все космы тебе по-вырываю!

(«Растыка художая» — двенадцатилетняя дочь, младшая из пяти её девчонок, поскрёбушек — так в добром настроении ласково величала её Варвара Степановна, но сейчас она была далека от сантиментов.)

Лето 1976 года выдалось на удивление знойным, и гнуса навалило «как с того света сорвало»! Днём и ночью дымили без продуха курева, приходилось и взрослым, и малым «наздевать» на себя штаны, рубахи, платки и даже «частиком», вымоченным в дёгте, лица завешивать... «задавное кровопийство», да и только. А дети — они всегда

смекалистее взрослых. Уж не важно, кому первому пришло в голову, но начали ребяташки на крышах от гнуса отдыхать и загорать заодно. У воды паут караулит, в тени комар поджидает, а мошка — та везде, но особо у травы вьётся, а на крышу заберёшься — солнышко печёт, ветерок обдувает — такая благодать! Вот и Аришка выпросила у матери разрешения на крыше под солнышком греться: прихватит книжку интересную да кусок хлеба свежего, заберётся на крышу, тряпку холщовую расстелет, растянется и млеет от счастья, пока мать не гаркнет с очередным поручением.

— Вот так и знала, что добром эта затея не обернётся. Видать, продырявила крышу своими костями или ещё чем! Куды бы эта девка не примешалась, без худа не обойдётся!

Первым делом от Варвары Степановны получил Моряк, дружелюбно ластящийся к хозяйке.

— Пшёл из-под ног, псина блохастая! — рявкнула она на собаку и пнула кобеля, на что тот тихонько взвизгнул и обиженно юркнул в конуру.

Мусяка спрыгнула с сундука, с тихим жалобным мяуканьем решила было выпросить у хозяйки миску парного молока, но Варвара Степановна глянула на неё испепеляющим взглядом и издала лишь один холодящий душу звук:

— Пыщь!

Кошка, наученная горьким жизненным опытом, опрометью бросилась в подполье. Варвара Степановна громыхла банками, а из комнаты вышла ничего не подозревающая Арина. Острая, как жердь, неприступная, как скала, Варвара Степановна уставилась на дочь. Аришка скукожилась и опустила глаза.

— Ты чего набычилась?! А?! Скрючилась в три погибели... — заскрежетал голос матери, и у Аришки невольно глаза заволокло слезой.

— И не смей мне выть! — предугадывая намерения дочери, требовательно сказала мать. — Ты мне ответь, растыка такая: ты в какую пору крышу провентить успела? Все сени ручьём бегут! А ну отвечай: чем толь тыкала? А?! — и Варвара Степановна сделала шаг к дочери.

— Какая крыша? Чем тыкала? Я ничё не делала! — отрывисто проговорила Аришка.

— Цыть! — прошипела мать. — И не смей переться: если твоих рук дело, то лучше признайся...

— Не я это... — проямлила Аришка

— Не ты?! А кто ж тогда?! Может, это я по крышам «камыса» тянула? А? — негодовала Варвара Степановна. — Или сама крыша взяла и продырявилась?

— Может, сама... — пискнула Аришка.

— Ты мне, антихрист, голову не морочь! Отвечай: чем крышу тыкала?! — и голос матери прозвучал так, что Арина поняла, что это был тот самый последний вопрос, после которого случится непоправимое...

(Мать регулярно наказывала Аришку, и все «взлупки» были справедливы — по свершённым проступкам и пако-стям, но неоправданно жестоки: что под руку матери попа-дёт, тем и «отутюжит». Бита Аришка и ковшом, и скалкой, и кочергой, а уж про ремень и крапиву и говорить не при-ходится. Всякий раз, когда мать стегала дочь, вспоминались Аришке пионеры-герои, стойко терпевшие все муки в фа-шистских застенках, а мать ей виделась тем самым главным злодеем.)

— Ничем не тыкала! — с вызовом ответила Аришка. — Что я, дурочка — в крыше дырки ковырять?! А ты если собралась лупить — лупи! Только всё равно не я это...

Варвара Степановна была обескуражена, она на мгнове-ние даже потеряла дар речи, ещё минуту назад существо-вавшая в ней уверенность рассыпалась: «Видать, не она... Ишь как глазами сверлит... Уж и верно ведь, девка-то уже большая, с чего ей глупостями такими заниматься?..»

— Ладно, будь... — произнесла она спокойно. — Иди харьку мой и за стол садись, чай пить будем.

Приводя себя в порядок, Аришка слышала, как мать вы-ходила в сени, бурчала себе под нос ругательства, но серд-це подсказывало, что мать сердчает не на неё... (Может быть, оттого, что Аришка часто сталкиваясь с гневом и жестоко-стью матери, или от того, что она до беспамятства любила

мистические истории Николая Васильевича Гоголя, но в буйстве её детской фантазии родился особый образ ведьмы — матери. Иногда ощущение, что её мать — Баба Яга, было настолько сильным, что Аришка, лёжа под пуховым одеялом, караулила, когда же та под покровом ночи вытащит из тайного места помело и вылетит в трубу на ведьмачий шабаш.)

Лицо Варвары Степановны было измождено тягостными раздумьями о проклятущей течи, ей вспомнилось то последнее счастливое лето, когда был жив Арсений Петрович. Несмотря на слабость, видимо, точно зная о близящемся конце, он задумал перестилать крышу. «Арсюша, на кой нам толь менять? Ещё пару лет продюжит... — уговаривала она исхудавшего и уже мучавшегося болями супруга. — Тебе нать в больницу ешо к осени...» Он был мягок, но упрям: «Нет, мать, сделать надо. Мне уж никакие больницы не помогут, а вам с девкой жить потом, — но, заметив ужас в глазах жены, добавил: — Ну, будь, я ж на всякий случай так говорю... Меня ещё колом не уложишь! И вообще, врачи сказали, мне шевелиться надо, чтоб поправиться». Ладили крышу вдвоём в один из солнечных дней. Аришка крутилась у костра, где кипятился вар, Варвара Степановна гаркала на неутомонную дочь, а Арсений Петрович осаживал её окрики шутками. Закончив дело, измождённый Арсений сел на краю крыши, свесив ноги вниз, и запрокинул голову в небо. У Варвары Степановны сжалось сердце, она тяжело вдохнула. «Что вздыхаешь, мать? Жизнь-то как быстро пролистали... Одно жаль: так мы с тобой парня не сострогали... Зато девки какие! Вон Аришка одна всем парням фору даст!» — и он тихо засмеялся. У Варвары Степановны слова застряли где-то глубоко, она впервые поняла, что её Арсений уходит. Он оглянулся: «Ну чего там пристыла?! Подь сюда. А спой-ка мою любимую...»

— Вот кто-то с горочки спустился... — тихо зашелестели губы матери.

— Мам, ты чего? — встрепенулась Аришка.

— Да так... — очнулась мать. — Песню вспомнила чё-т...

— Ты знаешь, — нерешительно начала Аришка, — я, кажется, поняла, откуда дырки...

Всё время молчаливого чаепития Аришка прокручивала в голове возможные причины происшествия, и ей вспомнились события двухнедельной давности.

— Помнишь, две недели назад приходили электрики, они чего-то крутили на проводах, и ведь они на крышу заходили, — и Аришка хитро прищурилась.

— Ах ты! — Варвара Степановна озарилась. — Как я забыла про такое?! Ведь точь это они, ироды, своими сапожищами с крючьями проткнули! Вот молодец, что вспомнил! А я-то, башка дырявая... забыла. Ну вот, я ж говорю: не могла крыша сама собой потечь!

В совхозной конторе каждый день дым стоял коромыслом, собирались мужики-работяги по утрам на разнарядку, а по вечерам с «отчётом» да лясы поточить, и каждый своим долгом считал «папирёску», а то и другую, скурить за компанию, оттого белёные стены были покрыты серым налётом. Помещение конторы было небольшим, сразу у входа размещалась печь, с правой стороны за нею стоял старый массивный сейф, к нему притискивалось небольшое бюро, за которым, скрючившись над газетой, задумался глухой, как пень, учётик совхоза Пётр Яковлевич. Над самой головой Петра Яковлевича по стене растянулась во всю ширь полка — необработанная плаха, «присобаченная» к стене «временно» более десяти лет назад. На полке громоздились пузатые папки с подшивками бумаг, личных дел и прочие рабочие документы. В центре прилегающей стены было большое окно с решётками между рамами, с правой стороны от окна висело несколько выцветших вымпелов, а с левой — глянцевые портреты Владимира Ильича и Леонида Ильича. Спиной к окну за дореволюционным дубовым столом заливался раскрасневшийся начальник участка Василий Николаевич, напротив «начальства» на лавках, табуретках и стоя лопались от смеха около двадцати мужиков, вся контора содрогалась от задорного и раскатистого хохота. Кроме Петра Яковлевича, который, поглядывая на мужиков, покачивал головой, полное спокойствие сохранял

старик Кеша. Он имел особый талант рассказывать сплетни да байки с искромётным юмором, тонким ехидством, в кра­сках и оттенках обыгрывая произошедшее голосом и телом, делая актёрские паузы, а главное, никогда не «прокальвал­ся» во время выступления. Как раз в тот миг, когда Кеша с удовольствием наблюдал за произведённым на слушателей эффектом, а благодарная публика утирала прыснувшие от смеха слёзы и пыталась отдышаться, в контору вломилась Варвара Степановна. Ещё метров за пятьдесят сквозь до­ждливую нудь она услышала доносившееся из конторы про­тивоположное её внутреннему состоянию веселье; гнев и жажда справедливости крепили в ней с каждым шагом. С по­рога вместо «здрасьти» она завизжала:

— Ишь, гоготают они, как лошади, да дымокурят! На­творили делов, крышу истыкали крюками своими, а теперь ржут! Честного человека, вдову с дитём малым без крыши почитай оставили! Да как вас, страмцов, земля носит?! — её лицо побагровело, глаза вылезли из орбит. — Вам бы руки да ноги переломать! Монтёры чёртовы!

Варвару Степановну понесло... брань вылетала из её рта вместе со вспенившейся слюной. Минуту назад весе­лящаяся компания была ошарашена, даже Пётр Яковлевич привстал из-за бюро и вытаращился на гостью. Оторопев­ший Василий Николаевич сначала недоуменно хлопал гла­зами, но очень скоро взял себя в руки; не понимая ни слова из крика скандальной бабы, он вскипел и, вскочив со стула, упёршись кулаками в стол, гаркнул:

— А ну цыц!

Этот рывок осадил визитёршу, и Варвара Степановна, поперхнувшись на очередном матерке, умолкла.

— Ты какого рожна орать сюда пришла? — грозно спросил Василий Николаевич.

— Чего стряслось-то?.. Чего?.. — кудахтал рядом учёт­чик.

Присутствующие мужики вопрошающе молчали, а ста­рик Кеша с любопытством алчно вглядывался в происходя­щее: какая байка ладная будет!

— А ты какого хрена за своими ремонтниками не следишь?! — парировала Варвара Степановна.

— А что-то я понять не могу: ты, Варвара Степановна, часом, умом не тронулась — так с руководителем, да ещё при исполнении должностных обязанностей, «на хренах» разговаривать?! — Василий Николаевич прищурился.

— Ишь ты! Начальник мне взялся! Ты над своими работниками начальник, а мне ты Васька Филиппов, вот и всё! Тридцать годов сопляку, год как начальником стал, а гонору как у министра!

От этих слов Василий Николаевич сменился в лице, склочная баба ткнула его в самое живое — неуверенность в своём новом должностном положении. Он стиснул зубы, желваки пустились в пляс. Ещё год назад Василий бы матюгнул скандалистку в ответ, но сейчас это было сделать нельзя: мало того что ей это даст повод увериться, что он никомушный начальник, ещё и в присутствии подчинённых; а самое страшное — юморист Кеша сделает его посмешищем для деревни на ближайшую неделю. Он перевёл дух и охрипшим голосом ответил:

— Ты, Варвара Степановна, если по делу пришла, с обращением, жалобой или просьбой, так будь любезна по форме обращаться, а не визжать, как порось недорезанная! А то, что порядком моложе тебя буду, так то права тебе со мной на матах говорить не даёт... А насчёт гонору, так это ты зря... — и в его голосе прозвучала праведная обида, он кашлянул и строго прибавил: — Пришла ругаться — вот тебе Бог, — его рука неосознанно указала на глянцевые портреты, — а вона порог! — и он рывком указал на дверь.

В его жестах, голосе и осанке увиделось Варваре Степановне что-то от родительско-властного; вспомнился отец — строгий, малословный, его тяжёлый укоризненный взгляд... Чувство стыда овладело её душой, пунцовый румянец вспыхнул на её сухом морщинистом лице.

— Ну?.. — протянул Василий Николаевич.

— Чего стряслось-то? — вклинился Пётр Яковлевич, следом шумок пошёл среди мужиков.

Барвара Степановна приосанилась; смекнув, что нахрапом справедливости не добиться, зашла с другой стороны:

— Вы не сердчайте, коли сказала чего не так, человек я неграмотный, обхождениям не наученный, потому как с малых лет в труде и нужде, по военным годам, все знают, героем труда не зазря стала. И мужа моего вы тоже помните ешо, тоже всё здоровье колхозу отдал... — голос её дрогнул, Василий Николаевич поёжился от неловкости, а Барвара Степановна степенно перешла к делу: — Так вот, с неделю назад приходили ваши ремонтники, Васька Хохлов и Федька Ярков, чего-то в проводах крутили. Тут они? — и она пристально глянула на мужиков и, не заметив виновников, продолжила: — Уж не знаю как, но эти ироды в своих крючьях лазили на крышу и, видать, проткнули мне весь толь на крыше, теперь сени текут ручьём!

Василий Николаевич вопросительно глянул на старшего дизелиста Афанасия Никифоровича, тот хмыкнул в усы и развёл руками:

— Не может такого быть. Они вводы проверяли, у тебя ввод не над сенями, там с лесенки посмотреть можно... А кошки они надевают, только когда по столбам лазят...

— А мне-то, поди, лучше знать! — взвилась Барвара Степановна. — Тебя там, Афанасий, в ту пору не было! Как им положено делать по работе — не знаю, это ты должён за имя смотреть, а не в конторе сидеть, кода у тебя ремонтники людям по крышам лазют!

— Ну не шуми, Барвара Степановна, разберёмся... — миролюбиво сказал Василий Николаевич и, уставившись на Афанасия Никифоровича распорядился: — Афанасий — ты разберись, как и что... и учи своих олухов работать уже! — обернувшись к Барваре Степановне, начальник подытожил: — Разберёмся! Как положено, накажем — премии лишим, раз такое дело!

Он с чувством выполненного долга сел за стол и потянулся за папирсой, мужики зашумели одобрительно.

— Раз всё мирком да ладком разрешилось, то трубка мира в самый раз пойдёт! — подмигнул Барваре

Степановне старик Кеша и, вынув из-за уха «беломорину», принялся прикуривать.

Варвара Степановна стояла не шелохнувшись.

— Ещё чего? — спросил повеселевший Василий Николаевич.

— Как ещё... дык... это самое... — Варвара Степановна пыталась выстроить в предложение путанные мысли, наконец ей это удалось: — А крышу когда ладить будете?

— Какую крышу? — выставился вперёд Василий Николаевич.

— Как какую?! Крышу на моей избе! — изумлённо воскликнула гостя.

Василий Николаевич медленно спустил струю сизого дыма и погасил только что прикуренную папиросу, а Варвара Степановна вспыхнула:

— Вы что думали, я с тем пришла, чтоб жалиться попусту?! Думали, пожурите своих «умельцев» — и отпекались от бабы?! А мне чаво теперь — порадоваться и домой воротаться?! Осень только началась, до октября лить будет, все сени просыреют, а там, глядишь, и изба сгниёт!

— Я ж сказал: разберёмся. Ступай! — отрезал начальник.

— Никуда я не уйду, покуда не решу свой вопрос! Наделали делов ваши работники, вот и исправляйте теперь!

— Ишь ты какая! — взвился Василий Николаевич. — А откуда мне знать, что Васька и Федька крышу попортили? Тем более Афанасий говорит, что этого быть не может... Может, у тебя крыша прохудилась, и ты решила... тут права качать и требовать... Так каждый, у кого крыша течёт, в контору со скандалом приходите будет, а мне что делать прикажешь? Всей деревне крыши ремонтировать?!

Варвара Степановна была возмущена:

— Да я честный человек! Я за справедливость! Нешто я бы стала хитрости такие удумывать? Эх, креста на тебе нет! Бог видит, что я по совести... — она перевела дух от напора. — И вообще, насчёт деревни всей мне не ведомо... А мою крышу ремонтируйте, раз такое дело!

— Да где я тебе рабочих и материал возьму?! — заорал Василий Николаевич. — У меня каждый рулон рубероида на счету, каждый гвоздь! И рабочие все на объектах, сама знаешь, шеды на ферме строим, производство расширяем!

— Эвон сколько работников, — Варвара Степановна указала на находившихся в конторе мужиков. — И материала мне на сени не так уж много надо, двух рулонов хватит...

— Ну... не знаю я... — сверкал глазами Василий Николаевич. — Не было печали, язвы в душу! Пиши заявку, скандалистка, вон у меня этого добра папка целая: кому печь, кому забор, кому дрова — хоть разорвись! Дойдёт очередь — сделаем!

— Как же так — очередь?! — вопила Варвара Степановна. — Ведь текёт!

— У всех «текёт»! — язвительно ответил Василий Николаевич.

Варвара Степановна грозно хмыкнула, всплеснула руками и двинулась к столу, но, сделав пару шагов, застыла:

— Дык как я тебе чего напишу? Я ж не обучена... — и она потупилась.

— Писать они не обучены, а скандалить — так это раз... — забубнил недовольно Василий Николаевич. — Ладно, сам напишу и в очередь поставлю...

— Пиши при мне, а то мало ли чё... — недоверчиво нудила Варвара Степановна, подойдя вплотную к столу начальника.

Тот измерил просительницу злобным взглядом, выдрал из амбарной книги лист и торопливыми размашистыми буквами написал: «Варвара — крыша текёт!» Затем сунул ей под нос:

— Видала?!

Мужики захихикали.

— Главно, чтоб ты видал! — с вызовом ответила Варвара Степановна. — И когда придёте ладить?

— Вот... — Василий Николаевич зашуршал бумагами на столе. — Твоя заявка десятая...

Варвара Степановна осознала, что спорить с начальником участка более бесполезно, но кипящее в ней чувство несправедливости не позволяло ей уйти миром:

— Эх вы, вредители! А ешо, поди, коммунисты тут одне!! Честного человека, мать одинокую, вдову труженика, безвременно ушедшего, героя труда, без крыши в дожди оставили! — и она с грозными криками и сотрясанием кулаков удалилась из конторы.

— Вот такая она, наша Варварка, — чиста стервядь! — воздев палец к небу, с видом особой значительности, произнёс старик Кеша; на это мужики снова захихикали. — С ранних годов её знаю, я её лет на шесть постарше буду, но скажу вам не тая: эта баба — зверь, кобыла лягучая! Ещё в девках: все девки как девки, а она — из ноздрей пар валит. Как уж её покойный Арсюшка оседлал — мне невдомёк! — он прищурился и продолжил: — Вот в прошлом году случай был! — и Кеша, сделав сценическую паузу, прикурил.

Все мужики принялись внимательно слушать, только Василий Николаевич, нахмурившись, произнёс:

— Всё, последняя байка — и разрядка!

Старик Кеша сделал под козырёк и заговорщически начал:

— Значит, так! Огород наш с Марией через один с Варварой. Знать, копаем картошку с внучатами, слышим рёв-крик: Варвара, стало быть, с Аришкой явились своё копать, Варька привычно жерди скинула, пролезла, ну и Аришку понужат! Стихло, работать принялись... Так с час проходит. Я решил передышку взять, влез на изгородь, чтоб, значит, покурить на ветерке... Гляжу по сторонам — ох ты, мать честная, — а к Варьке в огород бык наш племенной прямиком идёт. А бычара-то наш, Бориска, — сами знаете, тонна дури! А Варвара копат... никого ни чует... а бык-то уж в огороде — и давай копытом рыть, и голову вниз опустил, вроде как ярится! Я кричу ей: «Варвара, гли-ко, бык!» Они вскочили с девкой, Аришка, не будь дура, к изгороди рванула, а Варвара ведро с картошкой схватила — и на быка! Хрясь ему по голове! И орёт на его благим матом! Ведро согнулось, картошка разлетелась, а бык на Варвару попёр! Я с забора-то спрыгнул — и к ей: спасать, думаю, бабу надо!

Он сделал ещё паузу. Стояла гробовая тишина, и даже Василий Николаевич и глухой учётчик с вопрошением «что

дальше?» смотрели на рассказчика, и тот стремительно, изображая каждое слово телом, продолжил:

— Какой там спасать?! Пока я бежал, выдрала она жердину и давай хлестать быка жердиной, как прутом каким. Так она его опоясала, что туша эта от неё с задранным хвостом рванула опрометью к лесу! А Варвара ещё было ринулась вслед, да, видать, оттого, что жердь сломалась, не стала быка догонять!

Мужики дружно смеялись, а Кеша, сделав невозмутимо серьёзное лицо, заключил:

— Вот я и говорю, мужики: там где-то в Испании коррида имеется, так нашу Варвару к быкам тем запусти — она им вмиг рога поотшибат!

Долго и подробно гремел по избе рассказ Варвары о том, как ходила она и до работы, и после, и в совхозную контору, и в сельский совет, и на дизельную в поисках справедливости, но нигде не нашла должного понимания и поддержки, оттого «страмила» всех на чём свет стоит! А в завершение повествования, хитро улыбнувшись, сказала Аришке почти шёпотом:

— Ну ничё! Не хотят по-хорошему, будет им плохому...

Аришка хоть и не поняла, что значили материны слова, но почуяла недоброе. Всё время, пока мать управлялась со скотиной, Аришка размышляла, что за каверзу задумала мать. Страшная мысль мелькнула в её голове: «А вдруг и верно мать моя — Баба Яга и сегодня она учинит колдовство невероятное? — но тут же успокоила себя: — Чушь какая! Ещё пионерка называется! Такую ересь думаю!»

Наступил вечер. Аришка читала вслух учебник литературы.

— Ещё немного стемнет, и пойдём дело важное делать! — сказала мать, поправляя «задергушки» на окнах.

— Какое дело?! — подпрыгнула Аришка. — На улице почти ночь, и дождь льёт...

— Вот и хорошо, всё нам в помочь, стало быть! — и мать заговорщически глянула на Аришку.

— А куда мы пойдём? Зачем?

— Не кудыкай! — отрезала мать. — Увидишь!

Спустя час мать скомандовала:

— Давай одевайся шустро!

Уже зевающая Аришка заканючила:

— Может, завтра сделаем?.. Спать хочется.

— Вот ещё! — мать сверкнула глазами. — Надевайся, и пошли!

— А куда мы пойдём? — нудила Аришка.

— Любопытной Варваре на базаре нос оторвали! — Варвара Степановна попыталась отшутиться, но Аришка стояла на месте и вопросительно смотрела на мать.

— Там за дизельной, у сарая на углу, лежат кирпич, доски, а ещё толь — рулонов пять, не меньше. Вот мы сейчас оденемся, дизель заглохнет, а мы пойдём и возьмём толь, чтоб крышу починить!

Аришка растопырила от ужаса и удивления глаза и тихо, неуверенно спросила:

— Мы что, пойдём воровать?

— Какой воровать?! Дура!!! — возмутилась Варвара Степановна. — Кто дырки в крыше сделал?! А?! Кто отказался крышу чинить?! А?!

— Но они же обещали, что сделают... — робко начала спорить Аришка.

— Ага! Оне сделают — накося выкуси! Вот оне сделают! — и Варвара Степановна показала Аришке кукиш. — Собирайся быстрее!

— Я не пойду... — тонко и жалобно проскулила Аришка.

— Я те не пойду! — мать отвесила дочери смачный подзатыльник.

Но это только разозлило Аришку.

— Сказала, не пойду! — грубо рывкнула Аришка.

— Ты чего, остолопка, — матери вздумала перечить?! — и Варвара Степановна принялась хлестать куда придётся.

Аришка, укрываясь от звонких шлепков, настойчиво бубнила:

— Я не пойду! Я пионер! Воровать — не по-пионерски!

Варвара Степановна выбилась из сил, ею овладело отчаянье, руки опустились в бессилии... Тут свет мигнул, дизель стих, и наступила крошечная темнота.

— Мама, — плакала Аришка навзрыд, — мамочка, милая, родная, ну давай не пойдём воровать!

— Эх ты! — печально проговорила мать. — Да разве это стыд — матери помочь? То ж мой грех, не твоя вина... Ну, поступай как знаешь... одна пойду!

Под громкие всхлипы Аришки впотьмах мать натягивала на себя одежду и уже вышла было из дома одна, но Аришка громко и твёрдо сказала:

— Погоди. Я с тобой.

Жизнь с ранних лет проверяет человека на прочность, ставит перед выбором, и как часто нам приходится жертвовать чем-то важным ради тех, кого мы любим. Хорошо, когда жертвы просты: вещи, время, силы... Хуже, когда жертвы непомерны: цели, убеждения, нравственные ценности, жизненные смыслы...

Следуя за матерью по пятам, Аришка уже не скулила; втянув голову в воротник фуфайки, она тихо радовалась, что в пасмурную плаксивую ночь совсем не было видно звёздного неба, значит, никто не мог посмотреть на неё с высоты, укоряя. Варвара Степановна думала о том же, но по-другому: слава Богу, не дожил Арсений до этого дня и никогда не узнает, на какое преступление отважилась его Варвара.

Шли они самой длинной дорогой, краем леса, по узкой тропке среди полёгшей густой травы; тьма крошечная растилась окрест деревни, зловеще шумел лес: махали раскидистыми лапами лиственницы, дрожали осины, шелестели берёзы; вдалеке принимались тявкать собаки, чуя ночных странников, но от хозяйских домов бежать не спешили...

У дизельной Варвара Степановна цепкими движениями выудила из-под кучи досок два рулона рубероида, обвязала их меж собой верёвкой, закинула концы верёвки через плечо, потянула, Аришка подталкивала рулоны снизу, — так и шли они обратно, сиамские близнецы, крепко-накрепко спаянные злосчастливым рубероидом.

Утром проснувшись от яркого света Аришка обрадовалась: тёмная страшная ночь позади! На кухне шаркала мать. Услышав Аришкино шлёпанье, мать всплеснула руками:

— Ну ты спать нонче убилась! Приходили робяты по черёмуху за тобой, но я сказала им, что ты не пойдёшь.

— Как же так? Я ж звеньевой!!! — раздосадованно воскликнула Аришка.

— Счас будем крышу ладить! По черёмуху всегда успеется, а вот дом сгниёт — тогда чего делать будем?!

Аришке нечем было возразить матери, да и разве она поймёт такую «глупость», как пионерское дело?.. Нехотя Аришка умылась, села к столу — кусок в горло не лез... А мать уже сновала по двору, готовила инструмент, гремела приставной лестницей. На мгновенье Аришка провалилась в события прошлой ночи, как вдруг во дворе что-то с грохотом повалилось, а после наступила пронзительная тишина. Аришка опрометью выскочила на улицу...

...У самого крыльца лежала свалившаяся лестница, рядом валялись топор, выдерга и перевёрнутое ведро гвоздей, а в центре двора, на рулоне рубероида, уткнувшись в плавок, вздрагивая всем телом, рыдала мать...

— Мама! — закричала Аришка.

Барвара Степановна подняла мокрое лицо, спохватившись, утёрла слёзы.

— Ты иди, дочь, собирайся и ступай по черёмуху, ребятишки, поди, только собрались на Осиновке, как раз поспеешь... — тихо проговорила она.

— Нет. Не пойду, я тебе помогать буду! — и Аришка обвила руками материны плечи, прижавшись к ней всем телом.

— Эх... — вздохнула Барвара Степановна, ласково обнимая дочь. — Тут и помогать-то не в чем! Видать, правда твоя была: через поганое дело — добра не получишь... Эвон, смотри! — отстранившись, она ткнула ногой второй лежащий перед ней рулон толя. — Слиплись оне! Беспольные... — и мать горько рассмеялась...

К вечеру того же дня, когда чумазая Аришка вернулась домой с полным котелком спелой черёмухи, она застала во

дворе радостно суетящуюся мать и Василия Николаевича Филиппова, который, сладив на крыше добрую заплату, собирал рабочий инструмент.

— Ты меня, Василий, прости за вчерашнее, это я, почитай, не в уме была... — щебетала Варвара Степановна. — Спасибо тебе. Дай Бог тебе здоровья!

— Да что старое поминать? Все мы люди, все мы человеки... У меня вон мать тоже по смерти отца одна век мыкает, да ведь у неё я есть... Так что живи, Варвара Степановна, с миром!

Вот так!

Учит нас жизнь через боль и слёзы жить, сострадать, жертвовать, оступаться, каяться, а главное — веровать в человечность как в самую высшую земную справедливость!